

Роберт Льюис Стивенсон
«ОСТРОВ СОКРОВИЩ»

Эмилио Сальгари
«ЧЕРНЫЙ КОРСАР»

Густав Эмар
«ФЛИБУСТЬЕРЫ»

ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА

ВЕСЕЛЫЙ РОДЖЕР

*Лучшие романы
о пиратах*

Москва

2017

УДК821.311-3
ББК 84(0)-44
В38

Оформление *Н. Ярусовой*

В оформлении переплета использованы репродукции
работ художников
Говарда Пайла и Ньюэлла Конверса Уайета

Веселый Роджер : лучшие романы о пиратах. Остров со-
В38 кровийц / Роберт Льюис Стивенсон ; пер. с англ. Н.К. Чу-
ковского. Черный корсар / Эмилио Сальгари ; пер. с ит.
Г. П. Смирнова. Флибустьеры / Густав Эмар ; пер. с фр.
М. Секей. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 768 с. —
(Зарубежная классика).

ISBN 978-5-699-93611-3

Сражения, золото, черный флаг, отважные герои, бочки с ромом — все это атмосфера, которая царит в книгах о пиратах, которые любят не только юные мальчишки, но и многие взрослые. Если вы устали от работы и скучных будней, окунитесь в мир, полный приключений и насыщенных событий, почитайте книги о пиратах, они перенесут вас в другое измерение. Специально для любителей приключений мы составили сборник лучших романов о пиратах, которые перенесут вас из реальности в мир абсолютной свободы. Сражения на море и на суше, затонувшие корабли с сокровищами, величайшие пираты мира, орудовавшие в морях и океанах, — это и многое другое вы найдете на страницах романов.

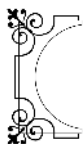
УДК 821.311-3
ББК 84(0)-44

© Смирнов Г., перевод на русский язык.
Наследник, 2016

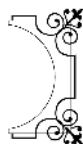
© Чуковский Н., перевод на русский язык.
Наследники, 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-93611-3

РОБЕРТ ЛЬЮИС СТИВЕНСОН

ОСТРОВ СОКРОВИЩ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ СТАРЫЙ ПИРАТ

Глава I

СТАРЫЙ МОРСКОЙ ВОЛК В ТРАКТИРЕ «АДМИРАЛ БЕНБОУ»

Сквайр Трелони, доктор Ливси и другие джентльмены попросили меня написать все, что я знаю об Острове сокровищ. Им хочется, чтобы я рассказал всю историю, с самого начала до конца, не скрывая никаких подробностей, кроме географического положения острова. Указывать, где лежит этот остров, в настоящее время еще невозможно, так как и теперь там хранятся сокровища, которых мы не вывезли оттуда. И вот в нынешнем 17... году я берусь за перо и мысленно возвращаюсь к тому времени, когда у моего отца был трактир «Адмирал Бенбоу» и в этом трактире поселился старый загорелый моряк с сабельным шрамом на щеке.

Я помню, словно это было вчера, как, тяжело ступая, он дотащился до наших дверей, а его морской сундук везли за ним на тачке. Это был высокий, сильный, грузный мужчина со смуглым лицом. Просмоленная косичка торчала над воротом его засаленного синего кафтана. Руки у него были шершавые, в каких-то рубцах, ногти черные, поломанные, а сабельный шрам на щеке — грязновато-белого цвета, со свинцовым оттенком. Помню, как незнакомец, посвистывая, оглядел нашу бухту и вдруг загорланил старую матросскую песню, которую потом пел так часто:

Пятнадцать человек на сундук мертвеца.
Йо-хо-хо, и бутылка рому!

Голос у него был стариковский, дребезжащий, визгливый, как скрипучая вымбовка.

И палка у него была как гандшпуг. Он стукнул этой палкой в нашу дверь и, когда мой отец вышел на порог, грубо потребовал стакан рому.

Ром был ему подан, и он с видом знатока принялся не спеша смаковать каждый глоток. Пил и поглядывал то на скалы, то на трактирную вывеску.

— Бухта удобная, — сказал он наконец. — Неплохое место для таверны. Много народу, приятель?

Отец ответил, что нет, к сожалению, очень немного.

— Ну что же! — сказал моряк. — Эта якорная стоянка как раз для меня... Эй, браток! — крикнул он человеку, который катил за ним тачку. — Подгребай-ка сюда и помоги мне втащить сундук... Я поживу здесь немного, — продолжал он. — Человек я простой. Ром, свиная грудинка, яичница — вот и все, что мне нужно. Да вон тот мыс, с которого видны корабли, проходящие по морю... Как меня называть? Ну что же, зовите меня капитаном... Эге, я вижу, чего вы хотите! Вот!

И он швырнул на порог три или четыре золотые монеты.

— Когда эти кончатся, можете прийти и сказать, — проговорил он грозно и с видом командира взглянул на отца.

И действительно, хотя одежда у него была плоховата, а речь отличалась грубостью, он не был похож на простого матроса. Скорее его можно было принять за штурмана или шкипера, который привык, чтобы ему подчинялись, и любит давать волю своему кулаку. Человек с тачкой рассказал нам, что незнакомец прибыл вчера утром на почтовых в «Гостиницу короля Георга» и расспрашивал там обо всех постоянных дворах, расположенных поблизости от моря. Должно быть, услышав о нашем трактире хорошие отзывы и узнав, что он стоит на отлете, капитан решил поселиться у нас. Вот и все, что удалось нам узнать о своем постояльце.

Человек он был молчаливый. Целыми днями бродил по берегу бухты или взбирался на скалы с медной подзорной трубой. По вечерам он сидел в общей комнате в самом углу, у огня, и пил ром, слегка разбавляя его водой. Он не отвечал, если с ним заговаривали. Только окинет свирепым взглядом

и засвистит носом, как корабельная сирена в тумане. Вскоре мы и наши посетители научились оставлять его в покое. Каждый день, воротившись с прогулки, он справлялся, не проходили ли по нашей дороге какие-нибудь моряки. Сначала мы думали, что ему не хватает компании таких же забулдыг, как он сам. Но под конец мы стали понимать, что он желает быть подальше от них. Если какой-нибудь моряк, пробираясь по прибрежной дороге в Бристоль, останавливался в «Адмирале Бенбоу», капитан сначала разглядывал его из-за дверной занавески и только после этого выходил в гостиную. В присутствии подобных людей он всегда сидел тихо, как мышь.

Я-то знал, в чем тут дело, потому что капитан поделился со мной своей тревогой. Однажды он отвел меня в сторону и пообещал платить мне первого числа каждого месяца по четыре пенса серебром, если я буду «в оба глаза смотреть, не появится ли где одноногий моряк», и сообщу ему сразу же, как только увижу такого. Всякий раз, когда наступало первое число и я обращался к нему за обещанным жалованьем, он только трубил носом и свирепо глядел на меня. Но не проходило и недели, как, подумав, он приносил мне монетку и повторял приказание не пропустить «моряка на одной ноге».

Ну и натерпелся я страху с этим одноногим моряком! Он преследовал меня даже во сне. Бурными ночами, когда ветер сотрясал все четыре угла нашего дома, а прибой ревел в бухте и в утесах, он снился мне на тысячу ладов, в виде тысячи разных дьяволов. Нога была отрезана у него то по колено, то по самое бедро. Порою он казался мне каким-то страшным чудовищем, у которого одна-единственная нога растет из самой середины туловища. Он гонялся за мной на этой одной ноге, перепрыгивая через плетни и канавы. Недешево доставались мне мои четыре пенса каждый месяц: я расплачивался за них этими отвратительными снами.

Но, как ни страшен был для меня одноногий моряк, самого капитана я боялся гораздо меньше, чем все остальные. В иные вечера он выпивал столько рому с водой, что голова у него шла ходуном, и тогда он долго оставался в трактире и распевал свои старинные, дикие, жестокие морские песни, не обращая внимания ни на кого из присутствующих. А слу-

чалось и так, что он приглашал всех к своему столу, требовал стаканы и заставлял оробевших собутыльников либо слушать его рассказы о морских приключениях, либо подпевать ему хором. Стены нашего дома содрогались тогда от «Йо-хо-хо, и бутылка рому», так как все посетители, боясь его неистового гнева, старались перекричать один другого и петь как можно громче, лишь бы капитан остался ими доволен, потому что в такие часы он был необузданно грозен: то стучал кулаком по столу, требуя, чтобы все замолчали; то приходил в ярость, если кто-нибудь перебивал его речь, задавал ему какой-нибудь вопрос; то, наоборот, свирепел, если к нему не обращались с вопросами, так как, по его мнению, это доказывало, что слушают его невнимательно. Он никого не выпускал из трактира — компания могла разойтись лишь тогда, когда им овладевала дремота от выпитого вина и он, шатаясь, ковылял к своей постели.

Но страшнее всего были его рассказы. Ужасные рассказы о виселицах, о хождении по доске, о штормах и об островах Драй Тортугас, о разбойничьих гнездах и разбойничьих подвигах в Испанском море.

Судя по его рассказам, он провел всю свою жизнь среди самых отъявленных злодеев, какие только бывали на море. А брань, которая вылетала из его уст после каждого слова, пугала наших простодушных деревенских людей не меньше, чем преступления, о которых он говорил.

Отец постоянно твердил, что нам придется закрыть наш трактир: капитан отвадит от нас всех посетителей. Кому охота сносить такие издевательства и дрожать от ужаса по дороге домой! Однако я думаю, что капитан, напротив, приносил нам скорее выгоду. Правда, посетители боялись его, но через день их снова тянуло к нему. В тихую, захолустную жизнь он внес что-то необычное, яркое. Среди молодежи нашлись даже поклонники капитана, заявлявшие, что они восхищаются им. «Настоящий морской волк, насквозь просоленный морем!» — говорили они.

По их словам, именно благодаря таким людям Англия и стала грозой морей.

Но, с другой стороны, этот человек и вправду приносил нам убытки. Неделя проходила за неделей, месяц за месяцем; деньги, которые он дал нам при своем появлении,

давно уже были истрачены, а новых денег он не платил, и у отца не хватало духу потребовать их. Стоило отцу заикнуться о плате, как капитан с яростью принимался сопеть — это было даже не сопенье, а рычанье; он так грозно смотрел на отца, что тот в ужасе вылетал из комнаты. Я видел, как после подобных попыток он в отчаянии ломал себе руки. Для меня нет сомнения, что эти страхи значительно ускорили горестную и преждевременную кончину отца.

За все время, покуда капитан жил у нас, он ходил в одной и той же одежде, только приобрел у разносчика несколько пар чулок. Один край его шляпы обвис; капитан так и оставил его, хотя при сильном ветре это было большим неудобством. Я хорошо помню, какой у него был драный кафтан; сколько он ни чинил его наверху, в своей комнате, в конце концов кафтан превратился в лохмотья.

Никаких писем он никогда не писал и не получал ниоткуда. И никогда ни с кем не вступал в разговор, разве только с соседями, да и то если был очень пьян. И никто из нас никогда не видел, чтобы он открывал свой сундук.

Только один-единственный раз капитану посмели перечесть, и то произошло это в самые последние дни, когда мой несчастный отец был при смерти.

Как-то вечером к больному пришел доктор Ливси. Он осмотрел пациента, наскоро съел обед, которым угостила его моя мать, и спустился в общую комнату выкурить трубку, поджидая, когда приведут его лошадь. Лошадь осталась в деревушке, так как в старом «Бенбоу» не было конюшни.

В общую комнату проводил его я и помню, как этот изящный, шегольски одетый доктор в белоснежном парике, черноглазый, учтивый, поразил меня своим несходством с деревенскими увальнями, посещавшими наш трактир. Особенно резко отличался он от нашего вороньего пугала, неряшливого, мрачного, грузного пирата, который надрызался рому и сидел, навалившись локтями на стол. Вдруг капитан заревел свою вечную песню:

Пятнадцать человек на сундук мертвеца.
Йо-хо-хо, и бутылка рому!
Пей, и дьявол тебя доведет до конца.
Йо-хо-хо, и бутылка рому!

Первое время я думал, что «сундук мертвеца» — это тот самый сундук, который стоит наверху, в комнате капитана.

В моих страшных снах этот сундук нередко возникал передо мною вместе с одноногим моряком. Но мало-помалу мы так привыкли к этой песне, что перестали обращать на нее внимание. В этот вечер она была новостью только для доктора Ливси и, как я заметил, не произвела на него приятного впечатления. Он сердито поглядел на капитана, прервав свой разговор со старым садовником Тейлором о новом лекарстве от ревматизма. А между тем капитан, разгоряченный своим собственным пением, ударил кулаком по столу. Это означало, что он требует тишины.

Все голоса смолкли разом; один только доктор Ливси продолжал говорить внятно и дружелюбно, попыхивая трубкой после каждого слова. Капитан пронзительно взглянул на него, потом снова ударил кулаком по столу, потом взглянул еще более пронзительно и вдруг заорал, сопровождая свои слова непристойной бранью:

— Эй, там, на палубе, молчать!

— Вы ко мне обращаетесь, сэр? — спросил доктор.

Старый невежа сказал, что именно к нему, и притом выругался снова.

— В таком случае, сэр, я скажу вам одно, — ответил доктор. — Если вы не перестанете пьянствовать, вы скоро избавите мир от одного из самых гнусных мерзавцев!

Капитан пришел в неистовую ярость. Он вскочил на ноги, вытащил и открыл свой матросский складной нож и, покачивая его на ладони, стал грозить доктору, что пригвоздит его к стене.

Доктор даже не шевельнулся. Он продолжал говорить с ним, не оборачиваясь, через плечо, тем же голосом, может быть, только немного громче, чтобы все могли слышать. Спокойно и твердо он произнес:

— Если вы сейчас же не спрячете этот нож в карман, клянусь вам честью, что вы будете болтаться на виселице после первой же сессии нашего разъездного суда.

Они смерили друг друга враждебными взглядами. Но капитан скоро сдался. Он спрятал свой нож и опустил на стул, ворча, как побитый пес.

— А теперь, сэр, — продолжал доктор, — так как мне стало известно, что в моем округе находится подобная особа, я установлю над вами неусыпный надзор. Я не только врач, я и судья. И если до меня дойдет хоть малейшая жалоба хотя бы только на то, что вы нагрубил кому-нибудь, вот как сейчас, — я приму решительные меры, чтобы вас забрали и выгнали отсюда. Больше я ничего не скажу.

Вскоре доктору Ливси подали лошадь, и он ускакал. Но капитан весь вечер был тих и смирен и оставался таким еще много вечеров подряд.

Глава II

ЧЕРНЫЙ ПЕС ПРИХОДИТ И УХОДИТ

Вскоре случилось первое из тех загадочных событий, благодаря которым мы избавились наконец от капитана. Но, избавившись от него самого, мы не избавились, как вы сами увидите, от навязанных им хлопот.

Стояла холодная зима с долгими трескучими морозами и бурными ветрами. И с самого начала стало ясно, что мой бедный отец едва ли увидит весну. С каждым днем ему становилось хуже, так что хозяйничать в трактире приходилось мне и моей матери. У нас было дела по горло, и мы уделяли очень мало внимания нашему неприятному постояльцу.

Было раннее январское морозное утро. Бухта поседела от инея. Мелкая рябь ласково лизала прибрежные камни. Солнце еще не успело подняться и только тронуло своими лучами вершины холмов и морскую даль. Капитан проснулся раньше обыкновенного и направился к морю. Под широкими полами его истрепанного синего кафтана колыхался кортик, под мышкой у него была подзорная труба. Шляпу он сдвинул на затылок. Я помню, что изо рта у него вылетал пар и клубился в воздухе, как дым. Я слышал, как злобно он фыркнул, скрываясь за большим утесом, — вероятно, все еще не мог позабыть о своем столкновении с доктором Ливси.

Мать была наверху, у отца, а я накрывал стол для завтрака к приходу капитана. Вдруг дверь отворилась, и в комнату вошел человек, которого прежде я никогда не видел.

Лицо у него было землистое. На левой руке не хватало двух пальцев. Ничего воинственного не было в нем, хотя на поясе висел кортик. Я всегда следил в оба за каждым моряком, будь он на одной ноге или на двух, и помню, что этот человек очень меня озадачил. На моряка он был мало похож, и все же я почувствовал, что он моряк.

Я спросил, что ему угодно, и он потребовал рому. Я кинулся было из комнаты, чтобы исполнить его приказание, но он сел за стол и подозвал меня к себе. Я остановился с салфеткой в руке.

— Поди-ка сюда, сынок, — сказал он. — Подойди поближе.

Я подошел.

— Этот стол накрыт для моего дружка Билли? — спросил он, ухмыляясь.

Я ответил, что не знаю никакого Билли и что стол накрыт для одного нашего постояльца, которого мы зовем капитаном.

— Ну что ж, — сказал он, — мой дружок Билли скорей всего и величает себя капитаном. У него шрам на щеке и очень приятное обхождение, особливо когда он напьется. Вот он каков, мой друг Билли! Предположим, у вашего капитана тоже шрам на щеке, и допустим, что как раз на правой. Правильно! Итак, я хотел бы знать: обретается ли он здесь, в этом доме, мой товарищ Билли?

Я ответил, что капитан пошел пройтись.

— А куда, сынок? Куда он пошел?

Я показал ему большой утес и сказал, что капитан должен появиться оттуда.

— А когда?

И, задав мне еще несколько разных вопросов, он проговорил под конец:

— Да, мой товарищ Билли обрадуется мне, как выпивке.

Однако лицо у него при этих словах было злобное, и я имел все основания думать, что капитан будет не слишком-то рад встрече с ним. Но я тут же сказал себе, что это меня не касается. И, кроме того, трудно было предпринять что-нибудь при таких обстоятельствах. Незнакомец стоял у самой входной двери трактира и следил за углом дома, словно кот, подстерегающий мышь. Я хотел было сам выйти на до-

рогу, но он тотчас же окликнул меня. Я не сразу ему повиновался, и его бледное лицо вдруг исказилось таким гневом и он разразился такими ругательствами, что я в страхе так и подскочил. Но едва я вернулся, он стал разговаривать со мной по-прежнему, не то льстиво, не то насмешливо, потрепал меня по плечу, сказал мне, что я славный мальчишка и что он сразу меня полюбил.

— У меня есть сын, — сказал он, — и ты похож на него как две капли воды. Он гордость моего родительского сердца. Но для мальчиков главное — послушание. Да, сынок, послушание. Вот если бы ты поплавал с Билли, тебя не пришлось бы окликать два раза. Билли никогда не повторял приказаний, да и другие, что с ним плавали... А вот и он, мой дружище Билли, с подозрительной трубкой под мышкой, благослови его бог! Давай-ка пойдем опять в зал, спрячемся за дверью, сынок, и устроим Билли сюрприз, обрадуем Билли, благослови его бог!

С этими словами он загнал меня в общую комнату, в угол, и спрятал у себя за спиной. Мы оба были заслонены открытой дверью. Мне было и неприятно и страшновато, как вы можете себе представить, особенно когда я заметил, что незнакомец и сам определенно трусит. Он высвободил рукоятку своего кортика, чуть-чуть вытащил его из ножен и все время делал такие движения, как будто глотает какой-то кусок, застрявший у него в горле.

Наконец в комнату ввалился капитан, хлопнул дверью и, не глядя по сторонам, направился прямо к столу, где его поджидал завтрак.

— Билли! — проговорил незнакомец, стараясь придать своему голосу твердость и смелость.

Капитан повернулся на каблуках и увидел нас. Загар как бы сошел с его лица, даже нос его сделался синим. У него был вид человека, который повстречался с привидением, или с дьяволом, или с чем-нибудь похуже, если такое бывает. И, признаюсь вам, мне стало жалко его — таким он сразу сделался старым и дряблым.

— Разве ты не узнаешь меня, Билли? Неужели ты не узнаешь своего старого корабельного товарища, Билли? — сказал незнакомец.

Капитан открыл рот, словно у него не хватило дыхания.

— Черный Пес! — проговорил он наконец.

— Он самый, — ответил незнакомец, несколько приободрившись. — Черный Пес пришел проведать своего старого корабельного друга, своего Билли, живущего в трактире «Адмирал Бенбоу». Ах, Билли, Билли! Сколько воды утекло с тех пор, как я лишился двух своих когтей! — воскликнул он, подняв искалеченную руку.

— Ладно, — сказал капитан. — Ты выследил меня, и я перед тобой. Говори же, зачем пришел?

— Узнаю тебя, Билли, — ответил Черный Пес. — Ты прав, Билли. Этот славный мальчуган, которого я так любил, принесет мне стаканчик рому. Мы посидим с тобой, если хочешь, и поговорим без обиняков, напрямик, как старые товарищи.

Когда я вернулся с бутылкой, они уже сидели за столом капитана друг против друга.

Черный Пес сидел боком, поближе к двери, и одним глазом смотрел на своего старого друга, а другим — на дверь, путь к отступлению.

Он велел мне уйти и оставить дверь открытой настежь.

— Чтобы ты, сыночек, не подсматривал в замочную скважину, — пояснил он.

Я оставил их вдвоем и ушел на кухню.

Долгое время, несмотря на все старания, я не слышал ничего, кроме невнятного говора. Но мало-помалу голоса становились все громче, и наконец мне удалось уловить несколько слов, главным образом бранных, летевших из уст капитана.

Раз капитан закричал:

— Нет, нет, нет, нет! И довольно об этом! Слышишь?

И потом снова:

— Если дело дойдет до виселицы, так пусть на ней болтаются все!

Потом внезапно раздался страшный взрыв ругательств, стол и скамьи с грохотом опрокинулись на пол, звякнула сталь, кто-то вскрикнул от боли, и через минуту я увидел Черного Пса, со всех ног бегущего к двери. Капитан гнался за ним. Их кортики были обнажены. У Черного Пса из левого плеча текла кровь. Возле самой двери капитан занес кортик для последнего, самого страшного удара и, несомненно,

разрубил бы убегающему голову пополам, но кортик зацепился за большую вывеску нашего «Адмирала Бенбоу». На вывеске внизу, на самой раме, до сих пор можно видеть след от него.

На этом битва кончилась.

Высочив на дорогу, Черный Пес, несмотря на свою рану, принялся улепетывать с такой удивительной скоростью, что через полминуты исчез за холмом. Капитан стоял, остоленело уставясь на вывеску. Затем несколько раз провел рукой по глазам и вернулся в дом.

— Джим, — приказал он, — рому!

Он слегка пошатнулся при этих словах и оперся рукой о стену.

— Вы ранены? — воскликнул я.

— Рому! — повторил он. — Мне нужно убираться отсюда. Рому! Рому!

Я побежал за ромом, но от волнения разбил стакан и долго не мог закрыть кран бочонка. И пока я приводил все в порядок, вдруг я услышал, как в зале что-то грузно грохнулось на пол. Я вбежал и увидел капитана, который во всю свою длину растянулся на полу. Мать, встревоженная криками и дракой, сбежала вниз мне на помощь. Мы приподняли голову капитана. Он дышал очень громко и тяжело. Глаза его были закрыты, лицо побагровело.

— Боже мой! — воскликнула мать. — Какой срам для нашего трактира! А твой бедный отец, как нарочно, лежит больной!

Мы не знали, как помочь капитану, и были уверены, что он смертельно ранен во время потасовки с незнакомцем. Я принес рому и попытался влить ему в рот. Но сильные челюсти его были сжаты, как железные.

К счастью, дверь отворилась, и вошел доктор Ливси, приехавший осмотреть моего больного отца.

— Доктор, помогите! — воскликнули мы. — Что нам делать? Куда он ранен?

— Ранен? — сказал доктор. — Чепуха! Он так же ранен, как ты или я. У него просто удар. Что делать! Я предупредил его... Ну, миссис Хокинс, возвращайтесь наверх к мужу и, если можно, ничего не говорите ему. А я попытаюсь спасти эту трижды никчемную жизнь... Джим, принеси мне таз.